

**К вопросу о познавательном потенциале лжи как способа
криминалистического познания**

Научный руководитель – Центров Евгений Емельянович

Подвойский Корней Васильевич

Аспирант

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Юридический
факультет, Кафедра криминалистики, Москва, Россия
E-mail: k.podvoysky@gmail.com

Криминалистическое познание - сложный процесс, который по своей природе предполагает необходимость взаимного информационного обмена и психологического взаимодействия между следователем и другими участниками производства по уголовному делу. В рамках общения, которое не бывает односторонним, следователь должен побудить участников уголовного процесса к сотрудничеству, сообщив им необходимые для этого информационные основания. Ложь является одним из теоретически доступных следователю способов такого рода побуждения, в связи с чем вполне логична постановка вопроса о возможности ее применения в качестве способа криминалистического познания.

В отсутствие прямого запрета на применение следователем лжи в отечественном уголовно-процессуальном законодательстве в рамках научного сообщества издавна ведется дискуссия о законности и этичности использования обмана в ходе расследования. Были достаточно убедительно обоснованы позиции как о полной недопустимости лжи, так и о ее допустимости в принципе или в отдельных случаях, причем критерии допустимости превратились в отдельный предмет споров [1; 2]. Следует принять во внимание, что значение в этой дискуссии имеют терминологические нюансы: то, что у одного автора подпадает под понятие лжи, у другого может называться иначе. Однако, отвлекаясь от нормативной (правовой и этической) оценки подобного рода лжи, нужно констатировать, что на практике в следственный арсенал она входит и имеет широкое применение, что само по себе превращает ее в объект криминалистических исследований.

Вместе с тем не всякая ложь следователя может быть названа способом криминалистического познания, а только такая, цели которой подчинены целям этой деятельности. Системное толкование закона дает основания для вывода о том, что целью криминалистического познания, хотя и не закрепленной напрямую, остается установление истины о расследуемом событии. Значит, чтобы называться способом криминалистического познания, ложь должна быть направлена на достижение этой цели. Без сомнения, можно представить себе ситуации, когда ложь следователя преследует цели, не связанные с установлением истины (например, вымогательство взятки). Однако в таких случаях ложь не может быть названа способом криминалистического познания, а является способом решения совершенно иных задач, превращаясь в способ совершения должностного проступка или преступления.

Нужно подчеркнуть, что соответствие лжи целям криминалистического познания само по себе не делает ее правомерной. Ложь, устремленная к установлению истины по делу (то есть являющаяся способом криминалистического познания), может быть как законной, так и незаконной, как этически оправданной, так и этически неприемлемой. Настоящий доклад же посвящен в большей степени исследованию вопроса о познавательном потенциале лжи в криминалистической деятельности.

Исходя из общей цели установления истины о расследуемом событии, можно выделить две группы частных задач, для решения которых следователь может вводить участников уголовного процесса в заблуждение. Задачи первой группы направлены на проверку

версии о причастности лица к каким-либо событиям или же осведомленности лица о них. Ложь, решающая подобные задачи, условно может быть названа «диагностической». В данном случае следователь вводит проверяемого человека в заблуждение, чтобы увидеть его реакцию на определенные обстоятельства, которая может расцениваться как характерная для того, кто причастен или не причастен к преступлению; противодействует или не противодействует расследованию [3].

Второй разновидностью задач, для решения которых следователь может применять ложь, является нейтрализация противодействия расследованию. В отличие от диагностической лжи, данная ее разновидность нацелена на стимулирование сотрудничества между следователем и его «оппонентом» посредством подталкивания последнего к даче правдивых показаний о неких обстоятельствах.

Познавательная эффективность обоих данных видов «следственной лжи» напрямую определяется соблюдением при ее применении требования избирательности тактического воздействия. Несоблюдение этого требования чревато провокацией ложного оговора или самооговора, что делает подобные действия следователя лишенными какого-либо познавательного смысла, не говоря уже о том, что такие действия вряд ли могут быть признаны законными и этичными [4].

Способы лжи следователя в целом не обладают какой-либо определенной спецификой и включают в себя как вербальные (устно-речевые и письменно-речевые), так и невербальные действия (притворное поведение) в различном сочетании. С содержательной стороны ложь следователя может быть связана с обстоятельствами его информированности о расследуемом событии, проведенными следственными действиями, наличием или отсутствием определенных доказательств. Создание преувеличенного представления об осведомленности следствия и допущение легенды, являющиеся одними из наиболее распространенных тактических приемов, характерных для вербальных следственных действий, имеют большой потенциал для применения лжи. Также ложь следователя может касаться имеющихся у него версий и планов по проведению следственных и процессуальных версий.

Источники и литература

- 1) Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. М., 2001.
- 2) Образцов В.А., Бертовский Л.В., Бертовская Н.Л. Фикции в криминальной, оперативно-розыскной и следственной практике. М., 2012.
- 3) Ратинов А.Р. Судебная психология для следователей. М., 2001.
- 4) Центров Е.Е. Общие научные положения криминалистической тактики // Криминалистика: учебник для магистратуры / Под общ. ред. И.В. Александрова. М., 2014.